

АМЕЛИЯ КАРТЕР

The image is a dark, atmospheric poster. In the upper right, a woman's face is shown in close-up, adorned with elaborate black lace or floral patterns. Her eyes are dark and piercing, and her lips are painted a vibrant red. In the center, a bright, circular spotlight illuminates a silhouette of a person standing with their arms raised in a 'V' shape, suggesting a performer on stage. The background is black, with some faint, glowing particles or light trails around the spotlight. At the bottom, the words 'КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР' are written in a large, bold, red, 3D-style font.

КУКОЛЬНЫЙ
ТЕАТР

Амелия Картер

Кукольный театр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69814285

SelfPub; 2023

Аннотация

Артист кордебалета Артем на банкете знакомится с загадочной красавице. Они танцуют, общаются, но утром он просыпается у себя дома один и совершенно не помнит, чем закончился вечер. А как выясняется позже, незнакомка оставила ему подарок...

Амелия Картер

Кукольный театр

Осень. Не люблю это время года. Слякоть. Частые дожди. Переменчивая погода. Это всегда вгоняет меня в тоску. Да и ничего хорошего в такие дни ждать не приходится. Сегодня уже вечер. Стрелки часов указывают на одиннадцать. На улице ливень. А я спешу на банкет.

Парадная. Пара пролетов. И вот я, поправляя свой фрак, вхожу в роскошно украшенный зал.

– Здравствуйте, Вадим Сергеевич. – Поприветствовал я нашего балетмейстера. – С Юбилеем вас! Долгих лет и побольше вам творческих проектов!

– Спасибо, Артем! – Вежливо поблагодарил он, и, указав рукой на накрытые столы, поспешил избавиться от моего общества: – Проходи, угощайся и наслаждайся внеплановым выходным!

Я понятиливо кивнул, огляделся и неспешно направился к толпившимся возле угощений гостям. Рассмотрев все внимательнее, я отметил, что организаторы вечера определенно постарались на славу: зал был украшен в стиле девятнадцатого века, музыка также играла исключительно того столетия, а от изобилия закусок, пирожных и алкогольных напитков разбегались глаза. Подойдя к одному из столов, я моментально опустошил несколько бокалов и закинул в себя па-

ру миниатюрных бутербродов. После захватил фужер с шампанского и, устроившись поудобнее в немногочисленном уголке, принялся наблюдать за гостями.

За все восемь лет, что я работал в театре, мне так и не удалось проникнуться к подобного рода мероприятиям. Они всегда меня выматывали и изрядно утомляли. Но сегодня, к моему великому сожалению, не явиться было нельзя. Этот банкет организовали непосредственно в честь юбилея нашего балетмейстера, а потому всех артистов обязали присутствовать на нем во что бы то ни стало. Только вот я, как и многие из моих коллег, ощущали себя здесь самой обычной массовкой. Впрочем, для танцоров кордебалета – это довольно привычная роль.

План на этот вечер у меня был прост: отсидеться тихонечко в уголочке и сделать то, для чего меня сюда пригласили – создать массовость. А вот наши солисты на этом празднике явно не скучали. Прима как всегда купалась в мужском внимании, а премьер флиртовал с красивыми женщинами. Лицезреть все это мне было противно и тошно! Но куда большее раздражение у меня вызывало то восхищение, с которым на них смотрели остальные.

Пока я не торопясь попивал шампанское и наблюдал, как эта парочка воркует с чиновниками и другими высокопоставленными лицами, мой бокал опустел. Поднявшись, я почувствовал легкое опьянение, небольшое головокружение и боль в глазах от яркого света люстр. Но мое состояние быст-

ро вернулось в норму, и я поспешил за очередным фужером. Как вдруг дверь в зал отворилась, и моему взору предсталла женщина неземной красоты.

Кожа ее была белее снега, очи темнее бездны, а губы красны, как роза. На черных как ночь волосах сверкала камнями корона. Пышное платье из перьев цвета воронова крыла подчеркивало изящные изгибы ее тела. А легкая и плавная походка создавала впечатление, будто она не идет, а плывет. Да и вообще, было в ней что-то таинственное, завораживающее и в то же время опасное.

Она прошла внутрь, слегка кивая головой в знак приветствия всем встречающимся, и остановилась напротив Вадима Сергеевича. В его взгляде читалось неподдельное восхищение, да и расставаться с гостьей он явно не спешил. Я же, очарованный ее красотой, не сводил с нее глаз и медленно шел ей навстречу. Меня тянуло к ней каким-то незримым магнитом, и я совершенно не мог этому противиться. Да, если честно, и не хотел. Уж слишком она была хороша!

В этот момент заиграл вальс, и все кавалеры сразу же поспешили пригласить присутствующих дам. Краем глаза я заметил, как наш премьер устремился к таинственной гостье, а потому решительно ускорил свой шаг. Неприязнь и зависть к солисту внезапно взяли надо мной верх, и мне безумно захотелось, чтобы на сей раз он лицезрел мою спину.

Спустя всего пару мгновений я уже стоял напротив незнакомки и приглашал ее на танец. Она без каких-либо разду-

мий моментально кивнула мне в знак согласия и вложила свою ладонь в мою руку. Мы проследовали на паркет и начали кружиться по залу. Мне с ней было легко, комфортно и необычайно спокойно. А в какой-то момент мне и вовсе начало казаться, будто света стало меньше, музыка зазвучала громче, а мы в полном одиночестве парим где-то высоко-высоко.

– Вы очень хорошо танцуете. – Начал разговор я. – Осмеюсь предположить, что вы – прима балерина одного из ведущих театров нашей старны. Правда странно, что я о вас до сих пор ничего не слышал.

– Ах. – Раздался ее голосок. – К печали иль к радости, но занимаюсь я совершенно иным. – Проговорила она, словно пропела. – Но меня всегда завораживал балет... Все движения танцоров настолько точны и прекрасны, что невозможно не восхититься его великолепием. Всегда мечтала так филигранно владеть своим телом. А у вас, – неожиданно обратилась она ко мне, – есть мечта?

После ее вопроса я почувствовал, что последние пару бокалов были явно лишними. Все вокруг поплыло, а перед глазами начали мелькать звездочки. Я тряхнул головой, но это, увы, не сильно спасло положение. А затем, видать под воздействием шампанского, я, неожиданно для себя самого, начал выкладывает незнакомке все, что было у меня на уме:

– Я всегда мечтал выходить на сцену и слышать, как зрительный зал рукоплещает именно мне!

– Что же вам мешает добиться желаемого? – Вкрадчиво и с довольно ехидной улыбкой на губах, спросила она.

Я же, сам не понимая почему, говорил все то, о чем частенько размышлял, но никогда не осмеливался кому-либо озвучить. А сейчас, словно под воздействием неведомой мне силы, я делился с этой таинственной гостьей самыми сокровенными своими мыслями и желаниями:

– Не видят меня на ведущих ролях! То технически, говорят, не тяну. То с партнершей не смотримся. То типаж, видите ли, у меня не подходящий. Так и танцую все эти годы за спинами наших солистов. Вот если бы был способ танцевать так, как им это нужно для ведущих ролей, то я бы ничего не пожалел!

Музыка закончилась, и мы остановились. За окном неистово барабанил дождь. Время близилось к полуночи. А откуда-то с улицы веяло легкой осенней прохладой. Таинственная гостья сделала шаг назад. Посмотрела на меня в упор. Наклонила голову, а затем с лукавой усмешкой спросила:

– Вот прям таки ничего?

– Ничего! – Громко ответил я и услышал, как мой голос эхом разнесся по залу.

В это же мгновение все небо за окном озарилось молниями. Незнакомка звонко засмеялась. А зал погрузился в крошечную тьму. Раздался оглушительный раскат грома, и я перестал слышать что-либо вовсе. Затем в ушах зазвенело. Го-

лова закружилась. И я окончательно потерял ориентацию в пространстве. А после и вовсе почувствовал, как лечу в какую-то бездну...

Очнулся я утром следующего дня. Я лежал один посреди кровати в своей квартире и чувствовал себя так, будто на мне станцевало стадо слонов. Чем закончился вечер, как мне удалось добраться до дому, и куда делась та таинственная незнакомка, я не помнил. Зато остро ощущал, как раскаляется голова после выпитого вчера мною шампанского.

Я медленно сполз с кровати и постарался привести себя в подобающий вид. Но ни таблетки, ни бодрящий душ, не смогли заметно улучшить моего состояния. Вспомнить какие-либо подробности вечера мне так же не удалось, а потому я решил расспросить об этом своих коллег на сегодняшней репетиции.

На тренировку я явился одним из первых, и сразу же постарался разузнать какие-либо детали вчерашнего дня. Но все, как один, к моему удивлению, твердили мне, что я покинул мероприятие практически сразу же, как пришел. Что ж, похоже, что мое самочувствие ухудшилось, и я поспешил удалиться. А вот на вопросы о таинственной незнакомке отвечали, что никого похожего на балу они не видели. Странно.

Репетиция в зале прошла как обычно, за исключением того, что хореограф меня похвалил. Раньше такого не случилось, а потому я был приятно удивлен. После у нас был прогон всего спектакля на сцене. И там я вновь не остался без внимания. Вадим Сергеевич отметил, что у меня многие элементы сегодня удаются как нельзя лучше. Похоже, выпитое вчера шампанское все же пошло мне на пользу.

Дальше потянулись дни один за другим. И все в них было довольно обыденно за исключением того, что теперь меня всегда отмечали. Причем в хорошем смысле этого слова. Не проходило ни одной репетиции, ни одного спектакля, где бы меня за что-нибудь да не похвалили или не выделили. И, если по началу это было для меня непривычно и ново, то спустя пару недель я уже воспринимал это как само собой разумеющееся.

Так, спустя пару месяцев, я уже исполнял самые сложные партии, что доверяли кордебалету, и чертовски этим гордился. А потом случилось непредвиденное. Наш премьер прямо накануне новогодних праздников порвал связку и выбыл из строя на неопределенное время. Второй солист свалился с ангиной, и театр остался без ведущих артистов. А билеты уже были распроданы на месяц вперед.

Какого же было мое удивление, когда Вадим Сергеевич вызвал меня к себе в кабинет и объявил, что хочет доверить мне роль принца Зигфрида из «Лебединого озера»! Я ликовал от счастья и готов был сутками пропадать в зале, лишь

бы оправдать его доверие.

Дней на подготовку у нас было не много, но партия давалась мне достаточно легко. Да и хореографы зачастую были мною довольны. Ну это и не удивительно, ведь у меня получалось все, что они от меня требовали. Причем, зачастую с первого раза.

Мой дебютный выход в новой роли прошел более, чем успешно. За ним последовали другие, не менее удачные. А спустя месяц мое имя уже было на устах всех любителей балета в нашем городке. Ко мне начали подходить на улице, просить автографы или сфотографироваться. А некоторые просто благодарили за талант.

К концу зимы все наши солисты вернулись в строй, но наш балетмейстер решил все же оставить за мной многие из ведущих партий. Объяснил Вадим Сергеевич это тем, что мое исполнение и подача материала именно та, которую хотят видеть зрители и он.

Теперь я знаю, что чувствуешь, когда твоя мечта сбывается. Когда ты выходишь на поклон и стоишь не за спинами других, а в первых рядах. Когда зрители купают тебя в аплодисментах, а все работники театра здороваются так, словно благодарят за то, что ты просто есть. Это ли не счастье?

Тянулись дни, недели, месяцы. Мне доверяли все больше

и больше главных ролей и сложнейших партий. А к весне я и вовсе, на удивление всех своих коллег, стал уже ведущим танцором нашего театра. Балетмейстер был всегда мною доволен, а весь зал после спектаклей аплодировал стоя.

Я купался в лучах славы, любви зрителей, а также зависти других участников труппы. И, если первые пару месяцев все помалкивали и просто-напросто мирились со столь быстро растущей моей популярностью, то к середине весны их неприязнь к моей персоне стала более, чем очевидна. Теперь уже бывшие друзья и приятели здоровались со мной неохотно. На дни рождения меня не приглашали. И даже в раздевалке предпочитали шкафчики подальше от моего. Но, так как я никогда не был компанейским человеком, то меня это не особо беспокоило. И все бы ничего, если бы это не стало сказываться на моем исполнении.

Однажды на одном из спектаклей наш бывший премьер поскользнулся и испортил один из сложнейших элементов. Подобное с ним случается достаточно редко, а потому он был дико собой недоволен. А вот я за все это время ни разу не оступился. Все мои движения были точны, прекрасны. Да что там! Они были идеальны! Ну и я, ехидно улыбнувшись ему перед своим выходом, бросил:

– Сейчас я покажу, как надо!

На что он мне раздраженно ответил:

– Не запнись.

Я на это лишь ухмыльнулся и поспешил на сцену. Мое те-

ло двигалось под музыку, рассказывало историю, и все было просто великолепно. Как вдруг на одном из простейших элементов моя нога зацепилась за вторую, и я чуть не рухнул плашмя на пол. После случившегося я, конечно же, постарался как можно быстрее придти в себя, собраться и дотанцевать партию, но за кулисы шел злой и полный негодования. А встретившись взглядом с нашим бывшим премьером, я увидел злорадство на его лице.

Тем не менее, данный инцидент был быстро забыт и прощен. В конце концов, с кем не бывает. Все мы люди, и у каждого могут быть неудачные дни. Сам же я этот случай списал на усталость, плохой сон накануне и слишком яркий свет софитов, которые слепили глаза и дезориентировали в пространстве.

Продолжая танцевать ведущие партии, я наконец-таки решил предложить свои идеи и наброски для новых постановок театра. Стоит сказать, что пару лет назад я уже показывал их режиссеру. И они тогда даже пришлись ему по вкусу. Только вот на главные роли в них меня рассмотреть отказались. Ну а такой расклад меня, конечно же, не устроил. И я покинул в тот раз кабинет, громко хлопнув за собою дверь. С тех пор все мои наработки так и пылились в ящике моего стола.

Ну а теперь, когда я являюсь премьером театра, они не смогут задвинуть меня в кордебалет в моих же собственных спектаклях. Я доработал свои идеи и вновь явился с ними

к режиссеру. Он меня внимательно выслушал и согласился поставить один из них со мной в главной роли.

Моей радости не было предела. Но все изменилось, когда мы начали разучивать партии. Балетмейстер переделал практически все. Я попросту не узнавал свою же собственную работу! Я пытался спорить и доказывать, почему здесь в хореографии у меня прописаны именно эти элементы, но все было без толку. Тогда я решил, что выйду на сцену и исполню все так, как и было задумано мной изначально. И когда все увидят, с каким восторгом это встретит зритель, признают, что я был прав!

Я придерживался своего плана и репетировал параллельно две партии. На репетициях ту, что хотел балетмейстер, а после занятий – свою собственную. В день примеры я вышел на сцену, заиграла музыка, которую я уже знал наизусть, и... Я не мог поверить собственным рукам и ногам. Они, совершенно не слушаясь меня. Они танцевали то, что хотел видеть Вадим Сергеевич. Все было исполнено идеально. Зал как всегда рукоплескал. Хореографы были мною довольны. А вот я совершенно не понимал, что только что произошло.

На следующей репетиции я решился попробовать исполнить партию, что была придумана мною, но и там ничего не получилось. Я танцевал ровно то, что поставил Вадим Сергеевич. Ни больше, ни меньше. На спектаклях я также стал часто ошибаться и видеть злорадство в глазах своих коллег. И вот тут то я начал кое что понимать...

Я невольно вспомнил банкет по случаю дня рождения Вадима Сергеевича. Таинственную на нем незнакомку. И заданный ею вопрос про мечты. Мне было трудно в это поверить, но, похоже, теперь я вынужден танцевать так, как того хотят другие. Если балетмейстер скажет исполнить здесь этот элемент – я выйду и воплещу его задумку. Если недоброжелатели захотят, чтобы я запнулся или оступился – так оно и будет.

Меня это пугало. Получается, что теперь я вовсе не хозяин собственного тела. Я не в силах решать как мне двигаться. Какие эмоции демонстрировать зрителю. И даже собственные постановки я вынужден исполнять так, как того хотят другие. Как только пришло понимание этого, мне сразу же стало жизненно необходимо разыскать ту чертовку. Мне нужно было знать, как поскорее снять это проклятье.

Но я совершенно не представлял с чего следует начать. Сколько бы я не спрашивал о той таинственной незнакомке, никто о ней ничего не слышал. И я уже было отчаялся, но на одном из спектаклей я неожиданно увидел ее в самом центре зрительного зала. Мне сразу же захотелось спрыгнуть со сцены, добежать до нее и потребовать объяснений. Но, к моему великому сожалению, тело меня попросту не слушалось.

После окончания я поспешил к выходу из зрительного за-

ла, и попытался глазами отыскать дьяволицу в толпе. Но меня то и дело отвлекали. Благодарили за прекрасно отыгранный спектакль. Выражали восторг увиденному. И хвалили мой танец. Я же, в свою очередь, очень боялся упустить ту чертовку, а потому убегал от своих обожателей, не удостоив их порой даже взгляда.

Когда все театралы покинули зал, я попросился внутрь. Сказал, что мне необходимо найти слетевший во время спектакля браслет. Меня впустили, и я оказался в большом и тихом помещении. Войдя, я сразу же посмотрел в сторону того места, где, как мне показалось, я видел незнакомку. К моему удивлению, она по-прежнему была там.

Почувствовав, видать, мое присутствие, она повернула голову, и наши с ней глаза встретились. Ее губы мгновенно расплылись в лукавой улыбке. Затем она встала, наклонила голову на бок, как в нашу первую встречу, и произнесла:

– Здравствуй, Артем. Как поживаешь? Слышала, что ты теперь звезда балета.

– Да. Только вот мое тело мне не подчиняется! Ты со мной тогда что-то сделала! – Начал возмущаться я. – Оно слушает всех, но не меня! Отмени свое колдовство!

После брошенных мной обвинений, я заметил, как ее лицо исказилось, а пространство вокруг нас изменилось. Теперь мы стояли всего в паре метров друг от друга посреди огромного черного зала. По стенам струились языки пламени. Пол покрывали трещины. Окна были наглухо закупорены.

ны. А на потолке раскачивалось паникадило с небольшим количеством зажженных свечей. В глазах незнакомки пылал пожар. Ехидная улыбка сменилась гневом. И теперь я уже отчетливо видел в ней дьяволицу. От всего этого мне сделалось не по себе.

Но, спустя пару секунд, ее ярость слегка поутихла. Губы дрогнули, вновь явив лукавую улыбку. И она пропела своим голоском:

– Я всего лишь исполнила твое желание. Неужели ты недоволен? Ты ведь мечтал танцевать так, как этого хотят другие. Я дала тебе это. А также сопутствующие славу и признание. Разве не об этом ты грезил?

– Да. Но теперь я не властен над собой! Мне не доступны творчество, самовыражение или ошибки по собственной вине! Теперь я словно марионетка в чужих руках!

– Увы, такова цена. – Пожав плечами, ответила она.

– Нет. Меня это не устраивает. Отмени свое колдовство!

– Я не могу. – Спокойно заявила она.

– Как это? Почему? Да кто же ты вообще такая?! – Вырвалось у меня.

Она неожиданно расхохоталась, и ее смех мгновенно разнесся эхом по всему залу. Стены задрожали, а откуда-то сверху посыпались земля, камни и свечи. Вот теперь уже я испугался не на шутку и мысленно начал прощаться с жизнью. Но все стихло столь же быстро, как и началось, а она ответила:

– У меня много имен. Кто-то считает меня Малифисентой, кто-то дочерью злого гения Одиллией, а кто-то демонницей Лиллит. А те, к кому я являюсь в ином облике называют Снежной Королевой или же просто Белой колдуньей.

В это мгновение окружающее нас пространство переменялось вновь. Огонь пропал. Зато на его место пришли снег и стужа, а весь зал окрасился в белый. Незнакомка также преобразилась. Теперь ее платье покрывали белоснежные перья, волосы переливались золотом, в глазах плескалось синее море, а на голове сверкала снежная корона.

Тут я почувствовал, как мне катастрофически перестало хватать воздуха. В горле образовался ком. Издать крик или какой-либо иной звук мне не удавалось. Все тело оцепенело от страха и холода. А сдвинуться с места не представлялось возможным. И я, под властью охвативших меня эмоций и ощущений, просто стоял и молча наблюдал за происходящим. А дьяволица тем временем продолжила:

– Да и видят меня не многие. Лишь те, кто жаждет добиться успеха, не взирая на то, какими методами и путями он им достанется. – Она сделала небольшую паузу, а после сказала: – Я, конечно, не могу просто взять и отменить твое желание. Но так и быть. Дам тебе возможность все исправить. Вижу я, что в скором времени тебе поступит предложение. Так вот. Ответ на него и решит твою дальнейшую судьбу.

Окна распахнулись. Снежная метель закружила по залу. Водоворот льда бушевал и царапал мне тело. А залетающий

снег не давал мне рассмотреть, что творится вокруг. Не в силах твердо стоять на ногах, я упал на колени и постарался закрыть лицо руками. Но, спустя несколько секунд, все стихло. А подняв голову, я обнаружил себя на полу зрительного зала в полном одиночестве.

Дни и недели сменяли друг друга, только вот тянулись они для меня отныне мучительно долго. Каждое утро теперь начиналось с ожидания обещанного мне предложения. А засыпал я в надежде получить его завтра. Все спектакли шли в плановом режиме. Я по-прежнему являлся ведущим артистом балета в нашем театре. Только вот ни удовольствия, ни радости мне это уже не доставляло.

Я выходил на сцену. Безупречно исполнял все партии. Срывал аплодисменты. А за кулисы шел с огромной пустотой внутри. Я чувствовал себя марионеткой, которой откуда-то сверху управляет кукловод. Мне не хватало самовыражения, свободы и жизни в танце, который исполняло мое тело по желанию окружающих меня людей. Но в один дождливый весенний день, я все же получил столь долгожданное предложение.

Открыв электронную почту, я обнаружил там письмо, адресантом которого был столичный театр. В нем говорилось, что они наслышаны обо мне и даже имели удовольствие по-

бывать на спектакле со мной в главной роли. Они писали, что восхищаются моей техникой, подачей материала и тем, как я вживаюсь в своих персонажей. В связи с этим они предлагают мне место в основном составе их балетной труппы. А также рассматривают мою кандидатуру на некоторые ключевые роли в их постановках.

«Вот оно!» – подумал я и заметался по комнате в раздумьях. Какой же следует дать ответ? С одной стороны, если я соглашусь, то вряд ли в столичном театре мне доверят ведущие партии. Там и своих звезд хватает. Но зато, вероятно, если я пожертвую ключевыми ролями, то заклятие спадет, и я перестану быть игрушкой в чужих руках. С ругой же стороны, если я останусь, то упущу возможность быть артистом в самом пристежном театре страны. И возможно, именно на эту жертву мне и нужно пойти, чтобы рассеять чары. Сложно. Без бутылки, боюсь, здесь не разобраться...

Я позвонил своему студенческому приятелю, с которым мы когда-то были дружны. Да и сейчас, впрочем, продолжаем поддерживать связь. Правда в последние годы мы общались с ним преимущественно по праздникам, но других приятелей у меня к этому моменту уже не осталось, а мне позарез нужен был чей-то совет. Гришка довольно быстро отозвался на мое предложение встретится, и уже через час мы сидели в баре, пили пиво и делились последними новостями.

Сначала мы говорили о довольно обыденных вещах, но после пары кружек спиртного, я выложил ему все. И про бал

с дьяволицей. И про исполненное желание. И даже про его последствия. Рассказал и про предложение из столичного театра, и что от ответа на него будет зависеть мое будущее. Не уверен, правда, что Гришка поверил во все, что я ему здесь наговорил, но он замолчал и заметно помрачнел.

– О чем задумался? – Поинтересовался я.

– Интересная у тебя, однако, жизнь. – Вздохнув, сказал он. – А я, как дурак, хотел предложить тебе работать в моем авторском театре. Хотел увидеть твои идеи на своей сцене. Я то помню, какие интересные зарисовки спектаклей были у тебя в студенческие годы. Но, видимо, затянул я с этим предложением. У тебя вон какие перспективы на горизонте.

– И ты бы мне позволил все сделать так, как мне того хочется? – Усмехнувшись, поинтересовался я.

– По большей части.

Я рассмеялся, так как никогда не рассматривал подобные театры. Меня всегда влекла большая сцена, так что предложение моего сокурсника показалось мне мелким и не перспективным. Так что я ему честно ответил:

– Ты не обижайся, Гришка, но боюсь, что я – птица уже совершенно иного полета.

– Да какие обиды. Я все понимаю.

Определиться с решением, увы, Гришка мне так и не помог, а потому домой я возвращался с огромным роем мыслей и дум в голове. Но, достигнув кровати, я в ту же секунду провалился в сон...

— Вот ты и сделал свой выбор... — Звучал до боли знакомый голос где-то в моей голове.

— Выбор? Какой? Когда?! — Не понимая кричал я.

— Ты получил то самое предложение, о котором я тебе говорила.

— Но я ведь еще не дал своего ответа!

— Дал... Дал... Дал... — Разносилось эхом в моей голове. — Если бы ты усмирил тщеславие. Если бы согласился воплощать свои идеи, работать с человека, который был готов позволить тебе творить... То ты бы избавился от моего тебе подарка... А теперь...

Спустя три года

Проснувшись тогда утром, я понял, что теперь от моего решения уже ничего не зависит. Так что я согласился на предложение столичного театра и понадеялся обзавестись там друзьями. Но, увы, коллектив меня встретил довольно прохладно.

С Гришкой из-за моего переезда мы отдалились еще больше. А за последний год и вовсе созвонились всего раз, да и то пообщались довольно сухо и скомкано. Его театр за последние пару лет снискал славу и теперь гастролировал по всей стране. Так что ему, определенно, не до моей персоны.

Я же послушно исполнял хорошо знакомые мне партии в кордебалете. Часто заменял танцоров, если они по какой-либо причине не могли выступить. Да и вообще был тем артистом, которым любили латать дыры. Премьером в столичном театре я так и не стал. А идеи новых постановок там даже

посмотреть не соглашались. Поэтому я продолжал писать в стол, а по вечерам блистать на сцене...

Очередной спектакль.
Мой выход. Вдох... Вперед!
Свет. Занавес. Улыбка.
Шаг. Взгляд и поворот.
Плие. Осанка. Фокус.
А следом пируэт.
Все идеально. Четко.
Претензий к танцу нет.
Прожектора! Овации!
Все взоры на меня!
Вот только душу дьяволу
За славу продал я...
А без свободы, творчества —
Не жизнь, кошмарный сон,
Где, став безвольной куклою,
Сгибаюсь я в поклон.